

Фрагмент из романа

Lara Schützsack
Und auch so bitterkalt
Roman

S. Fischer Verlag, Frankfurt 2014
ISBN 978-3-596-85619-0

C. 9-20

Лара Шюцзак
Холодно, как холодно...
Роман

Перевод Полины Щекиной
Редактор перевода Мария Зоркая

Луна на небе – круглая и ярко-желтая. Мы с Люсиндой лежим на нашем мосту и смотрим в небо. Теплая ночь кажется бесконечно длинной. Мост – вернее, то, что от него осталось – находится на самой окраине города. Никто там не бывает. Только мы. Мы тайком уходим из дома, когда все давно спят. Раньше здесь протекала река, добраться на эту сторону из города можно было только перейдя эту реку. На мост все еще можно зайти с обеих сторон, но в середине балки сгнили и местами провалились. Кто решится подойти к середине поближе, тот увидит пустой просвет. Раньше по обе стороны моста стояли знаки, предупреждающие об опасности, но теперь их там нет. Их разрисовали граффити и повалили.

Люсинда говорит, что это важно – почувствовать лето во всей его полноте. Стрекотание сверчков, несущееся отовсюду, из темной зелени травы, из кустов, и еще шелест листьев на ветру. Нигде так не пахнет летней ночью, как здесь.

– И какой же у нее запах? – спрашиваю я.

Люсинда делает глубокий вдох:

– Влажный, тяжелый и тревожный. Такой, будто спать нельзя – иначе что-то пропустишь...

И мы лежим молча на этом старом заброшенном мосту. Порой слышится шорох, словно кто-то сидит там внизу, в кустах. Но мы не пугаемся. Потому что нет ничего опаснее самого страха.

– Взрослые всегда боятся, – говорит Люсинда. – Все-то их тревожит. А особенно звезды. Им не понять, отчего звезды так яркие и так красивы даже на расстоянии световых лет. Они бы рады стрелять в небо до тех пор, пока самая яркая звезда не вспыхнет и не упадет, с треском догорев на земле. Ученые со всего мира съедутся рассматривать упавшую звезду. Подключат к ней провода, измерители, компьютеры. Раздробят ее на части, а результаты переведут в таблицы и формулы. Вот так и раскроются все ее тайны.

Мы обе наклоняем головы над провалом.

– А если упадем? – спрашиваю я.

– Не упадем, – отвечает Люсинда и наклоняется еще ниже. –
Гляди, какая красивая внизу пустыня.

И мы просто глядим на пересохшее русло. Затем ложимся лицом к небу, и Люсинда рассказывает про Тенебрию. Тенебрия – это страна, куда уходят все, кому нет места в нашем мире. Уязвимые, ранимые, те, кто слишком многого хотел, кто слишком рисковал и много потерял. Все раны, полученные в нашем мире, залечивает Тенебрийское море. Морские воды, очень глубокие и соленые, делают тело невесомым. В Тенебрии мы спим без одежды, укутавшись в шкуры белых медведей и прижавшись друг к другу.

– Вроде эскимосов, – добавляет Люсинда. – Все просто. Если уж там кого полюбишь, так навсегда.

У Тенебрии, конечно же, есть национальный символ – синий кот. Глаза его светятся желтым, шерсть отликает цветом морской волны, встретишь его – будет счастье, а дотронешься – утешение. Тенебрия – страна тьмы. Там вечная ночь, а на небе, – говорит Люсинда, – на небе звезд не сосчитать...

Голос у нее глубокий, низкий, как будто обволакивающий. Люсинда умеет так играть голосом, как играют на музыкальном инструменте, медленно перебирая струны, и начинает щемить сердце от тоски по тому, о чем она рассказывает. Но особенно прекрасны глаза Люсинды: узкие, зеленые, с желтыми крапинками в глубине. Глаза, которые не забудешь. Мне кажется, глаза моей сестры всегда кому-то не дают заснуть. На таких девушек, как Люсинда, оборачиваются на улице. Дело не только в ее красоте, дело в ощущении: с нею что-то случится. Такое случится, что не с каждым случается. Это чувствуешь в ее манере двигаться, чувствуешь в волне воздуха, окутывающей тебя, когда она просто проходит мимо. Это видишь по легкой тени на ее лице, по свету, которым всегда искрятся ее глаза.

Люсинда замолкла, и мы еще долго лежали, прислушиваясь к ночным звукам. Я взяла ее руку, прижала к щеке. Ладонь прохладная и все еще пахнет металлом. Где-то вдалеке выли собаки.

– Слышишь? – спрашивает Люсинда. – Ночью лето звучит иначе. Будто так и хочет нас поглотить, и мы исчезаем, исчезаем...

Руль опасно вихляет. Мы с Люсиндой катим на ее стареньком велосипеде по темному проселку. Машин не видно, мы несемся по самой середине дороги. Люсинда смело рулит, выписывая змейку. Я – сзади, на багажнике, я держу ее за пояс. Длинные черные пряди ее волос развеваются, хлещут меня по лицу. Мы поем "Над облаками". Поем – не то слово, мы скорее орем. Я – на подпевках. Люсинда заводит: "Над облаками...", а я подхватываю "Йе-йе-йе!" Велосипед так заносит на поворотах, что я только ойкаю. Но не от страха, а просто от волнения, у меня в животе все то опустится, то поднимется, то попросится вон. Мы движемся на синий свет, к бензоколонке "Арал", и вдруг позади нас появляется машина. Несется на большой скорости. Мы заметили ее слишком поздно и не успели уйти в сторону. Машина объезжает нас, едва не задев. Водитель яростно сигналист.

"Над облаками!" – восклицает Люсинда.

Притормозив почти до полной остановки, машина поравнялась с нами. Опустилось стекло. Я зажмурилась. Так я делала совсем маленькой, предчувствуя расправу, – зажмуривалась изо всех сил. Думала, что меня не видно. И сейчас я так зажмурилась, хотя и знаю, что это не поможет.

– Девчонки, вы едете без света посреди дороги! Вы в своем уме?
– голос водителя дрожит от бешенства.

Люсинда прибавляет ходу:

– Мы и правда не в своем уме! А ты что думал?

– Да вам жить надоело! – кричит водитель.

– А это уж само собой... – протянула Люсинда.

– Точно, совсем чокнулись!

Водитель, ударив по газам, уносится прочь. А мы смеемся. Я прижимаюсь еще теснее к спине Люсинды, обняв ее тонкую талию.

– Над облаками!..

– Йе-йе-йе!..

Сразу за указателем она сворачивает, едет к заправке. Останавливаемся прямо перед витриной магазинчика.

Люсинда стучит кулаком по стеклу. На кассе сидит Бернд, соседский мальчик. От стука он вздрогнул, но при виде Люсинды глаза его просияли. Бернду уже восемнадцать, но он маленький, к тому же невзрачный и прыщавый. Девчонки с нашей улицы смеются над ним, дразнят: Мордодыр! Их не волнует, что он это слышит. А Люсинда утверждает, что он интереснее других именно своей внешностью.

– Не понимаю!

Таков мой ответ.

А она уверяет:

– Поймешь еще. Когда-нибудь поймешь.

Люсинда слезает с велосипеда, подталкивает велосипед ко мне:

– Жди на улице.

Войдя в ярко освещенное помещение, она не забыла распустить волосы и бросить взгляд на свое отражение в оконном стекле. Не шагала – летела! А я наблюдала за ней через витрину.

Куда бы ни вошла Люсинда, все оживает и приходит в движение. Законы отменяются. Ее присутствие ставит под вопрос все на свете. И вот, она испытующе взглянула на Бернда, с удовлетворением убедилась, что он не может глаз от нее отвести, и направилась к морозилке, оттуда выудила цветную упаковку и показала мне в окно. «Твистер» – мое любимое мороженое. Я кивнула. Возвращаясь к кассе, сестра моя двигалась, как в замедленной съемке. Неспешно подвинула по прилавку мороженое и упаковку жвачки к Бернду. Тот, не поднимая глаз, взял «Твистер». Люсинда чуть придержала это мороженое, и их руки соприкоснулись. Бернд поднял было глаза, но поймал ее взгляд, покраснел и снова уставился на свой кассовый аппарат. Дрожащими руками он провел Дрожащими руками он провел мороженое и жвачку через сканер. А Люсинда улыбнулась, развернулась, да и вышла, ничего не заплатив, из магазина.

–Держи!

Сунув мне в руку мороженое, она схватила велосипед, прыгнула на седло. Я уселась сзади на багажник. И вот мы отъезжаем, веселясь и виляя.

– Смотрит? Он смотрит?

Я обернулась, качнувшись то ли вправо, то ли влево, когда мы выруливали в темноту из конуса света, заливающего заправку.

– Да, смотрит!

Бернд сидит на кассе, провожая нас взглядом. Начало его смены. Думает, наверное, что до конца – целая вечность. Жалко его... Ночи без Люсинды и мне кажутся бесконечными.

– Можно мне сегодня спать у тебя?

– Что? – кричит Люсинда.

А ветер хлещет, и волосы хлещут ее по щекам.

– Что ты говоришь?

– Спать! Можно сегодня спать у тебя? – кричу я в ответ.

Кровать Люсинды – не кровать. Это ковчег. Или лодка. Лодка-ковчег, переправляющая нас через ночь, нагруженная яркими тряпками, постерами, книгами и множеством тайн: это и где-то найденные камни, обретающие магические силы в темноте, это и истории – такие страшные, что я затыкаю уши, не дослушав. Сестра не обращает внимания на просьбы и мольбы родителей все же прибраться на кровати. Наоборот, хранящиеся там сокровища занимают все больше и больше места. И где-то среди них – моя сестра. Заваленная книгами, записками и пестрыми тканями.

Изредка Люсинда разрешает мне спать у нее. Это особенные ночи, наполненные нашим шепотом, мягким голосом Люсинды и *desjatkami* моих вопросов. Сестра всегда мне отвечает. Нет единой истины для всех, говорит Люсинда, а значит, нет и вопроса, на который нельзя дать ответ. Истин – бесконечное множество. И верить можно только чувствам. На любой вопрос *najdetsa* ответ, *nado tolko imet* воображение *roboga4e*. (*ili: jarkoe voobrazhenie*)

Люсинда засыпает, стоит ей только закрыть глаза, не то что я. Сколько себя помню, боюсь двух вещей: темноты и того, что сестра

оставит меня одну. Поэтому я не даю ей уснуть. Не отпускаю, пристаю с вопросами: "Как думаешь, какая завтра будет погода? Мама с папой часто целуются, когда мы не видим? На других планетах есть собаки?" Если ответы звучат тише и медленнее, мне ясно: Люсинда скоро заснет. Говорю:

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи...

И наступает тишина. Мне не хочется бодрствовать в одиночестве.

— Хорошего сна, — добавляю я.

— И тебе, — звучит будто издали.

— Сладких снов! — осеняет меня.

Тишина. Я боюсь, что сестра уснула навсегда. Вдруг завтра она не проснется?

— И доброго утра завтра! — умоляюще шепчу я в тишине. Больше ничего не придумывается. Я остаюсь одна. Долго лежу, пока не сморит сон.

Когда утром я спускалась по лестнице, Иза уже поджидала меня в коридоре. Иза — моя мама. Стоит руки в боки, глядит на меня. Спускаясь, в уме я считаю ступеньки. Вот бы их оказалось сто, но их всего десять — как обычно.

— Доброе утро!

У нее не глаза, а два рентгеновских луча, направленные на нас в поисках изъянов.

— Доброе, — отвечаю я, пытаюсь прошмыгнуть мимо нее на кухню, но она преграждает мне путь.

— Ну ка, посмотри на меня.

Я поднимаю взгляд и тут же отвожу.

— У тебя усталый вид.

Изъян найден.

Пытаясь потянуть время, я сажусь на ступеньку, неторопливо и старательно надеваю ботинки.

— Тебе был задан вопрос! — говорит Иза.

— Я читала, — бормочу я.

На лице Изы сомнение.

— Книгу про людей, которые спят без одежды в шкурах белых медведей. Которые влюбляются навсегда. В стране, где все просто, а жизнь бесконечна... — мои слова все быстрее, а голос звонче. Врать я не умею. Иза будто видит меня насквозь. Куда делась Люсинда?

— Ну, Тенебрия, — пытаюсь я объяснить.

Иза готовится задать следующий вопрос, но тут наверху распахивается дверь.

И вниз по лестнице сбегает Люсинда. Длинные волосы уложены в эффектную высокую прическу, темно-красная футболка тесно облегает грудь, подчеркивает ребра. Джинсовая юбка — короче не бывает. Молча пройдя мимо, Люсинда быстро обувается в тяжелые, ковбойские сапоги, на вид слишком массивные для ее ног. Из коридора она вопросительно смотрит на нас.

— Что?

— Правильнее будет: «что, простите»! — Иза заботится о нашем воспитании. — И как насчет завтрака?

Она следит, чтобы мы ели по утрам.

— Я сейчас не могу, — Люсинда проходит мимо Изы к двери.

— Малина, а ты?

Наконец-то. Вскочив, я подхватываю с пола рюкзак.

— Уроки начинаются только в восемь. Нельзя уходить, не позавтракав.

Иза смотрит укоризненно, но мы уже в дверях.

— Мы завтракаем! — Люсинда, вытащив из кармана и сунув в рот большую розовую жвачку, невинно улыбается Изе.

— Так что — пока!

По садовой дорожке мы сбегает к автобусу.

— Она тебя рентгеном просвечивала? — на бегу кричит Люсинда.

— Да!

— И что?

— Она смотрела как-то странно, но я сказала, что вечером зачиталась...

— Отлично!

Мы с Люсиндой учимся в одной школе. Когда у Люсинды пустой урок, из окна моего класса я, бывает, вижу, как сестра сидит на лестнице в своей джинсовой юбочке и ритмично барабанит в стену ковбойскими сапогами. Время от времени — если поблизости нет учителей — она берет самокрутку у какого-нибудь старшеклассника, затягивается, и даже не удостоив угостившего взглядом, возвращает. До восемнадцати лет курить у нас в школе запрещено, но Люсинде это не мешает. У мальчиков она пользуется уважением, а девочки смотрят на нее косо. У нее есть только соперницы и поклонники. Равнодушных к ней нет. Учителя говорят мне: "Внешне вы, конечно, похожи, но в сущности у тебя с сестрой нет ничего общего". И смотрят так, будто ждут какого-то ответа. Но я не знаю, какого.

Бернд тоже часто стоит на лестнице. Он сторонится всех. Рядом с ним — друг Юлиус. Тот молчун, и вид у него всегда такой испуганный, как будто он забыл что-то важное и вдруг это понял. Люсинда уверена, что ему просто не хватает женского внимания. На нашей школьной лестнице люди располагаются по степени популярности. Самый верх — Оливия из школьного комитета, по словам моей сестры, не более чем гормон на ножках. Бернд и Юлиус — в самом низу, ниже последней ступени. Наверняка никто не догадывается, что моя сестра иногда встречается с Берндом. Здесь, на лестнице, Люсинда ведет себя так, будто они не знакомы. А сама сестра сидит в стороне у стены. Она всех на виду, но ни в какую группу не входит. Люсинда считает, что все она просто смешны.

Однажды в очереди в столовой я услышала, как Оливия шепталась со своей лучшей подругой Надин: "Смотри-смотри, шибанутая идет!" Я обернулась — в дверях стояла Люсинда. Она заплела две косички, а в них вплела сухие розочки. Остаток от букета, подаренного Берндом. Когда я рассказала об услышанном Люсинде, она так развеселилась, что носила эти розочки еще два дня, пока они

сами не рассыпались. Иза всегда говорит, что Люсинде надо выделиться любой ценой. По голосу слышно, как ее это раздражает.

— Все, что твоя сестра говорит или делает, — заявляет Иза, — нужно делить напополам.

За спиной Изы Люсинда закатывает глаза:

— Я вообще не понимаю, почему тебя это так волнует! Тебя же это не касается, — ругалась она с Изой.

— Что бы Иза не говорила, что бы ни делала, всегда получается одинаково, — шипит мне на ухо сестра, — скучно, как учебник. Больше ей не доступно. У нее нет никакого воображения!

Мы с Фридером смотрим на них и не знаем, что сказать. Люсинда и Иза — как черное и белое. Как день и ночь. И именно поэтому, считает Фридер, совершенно одинаковы.